

ДОН НИГРО

МАКИАВЕЛЛИ

Дон Нигро Макиавелли

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48800918*

Макиавелли:

Аннотация

Дон Нигро «Макиавелли/Machiavelli». 8 актеров (4 женские и 4 мужские роли). Трагикомедия с известным главным героем. Эпизоды из жизни. Текст выше всяких похвал. Пьеса вполне сравнима с романом Сомерсета Моэма «Тогда и теперь». Роман Григорьевич Виктюк назвал пьесу шедевром.

Содержание

Действующие лица	4
Место действия	5
Время действия	6
Картина 1	7
Картина 2	15
Картина 3	21
Картина 4	26
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Дон Нигро Макиавелли

Действующие лица

МАКИАВЕЛЛИ

СИРО

КОЛЬФУЧЧИ/ПАЛАЧ

ЛИГУРИО

ВЕДЬМА

КЛИЦИЯ/МУЗА

ЛУКРЕЦИЯ

МАРИЕТТА

Место действия

Кабинет Макиавелли на семейной загородной вилле в Сан-Кашано, в десяти милях от Флоренции, подвал, спальня жены Кольфуччи с балконом, подземная темница во Флоренции, деревья на заднем плане, что-то еще, одна декорация, представляющая все эти места. В кабинете стол и стул справа на авансцене. Лестницы справа и слева ведут на платформу, которая и есть спальня Лукреции и балкон. Под балконом, по центру – темница с двумя дыбами, занавешенная рубашками на веревках и спрятанная большую часть пьесы. Эта одежда в тени в первой картине пьесы, Ведьма убирает ее во второй, открывая ту часть сцены, которая станет темницей. Слева на авансцене стол и стулья. На столе шахматная доска с фигурами. У лестниц скамьи. Под лестницами полки с книгами. Актеры могут уходить и приходить в любом месте сцены, так что действие идет непрерывно.

Время действия

Начало 1500-х.

Картина 1

(Поют птицы. Роща деревьев около загородной виллы Макиавелли в Сан-Кашано, в десяти милях от Флоренции. Макиавелли, высокий, чернявый, сухопарый, его слуга Сиро ниже ростом и полноватый, оба смотрят на деревья, которые растут где-то за залом. В кронах шумит ветер).

МАКИАВЕЛЛИ. Я хочу срубить эти деревья.

СИРО. Какие, господин?

МАКИАВЕЛЛИ. Ту рощу. Срубите их.

СИРО. Все?

МАКИАВЕЛЛИ. Да, все.

СИРО. Вы хотите, чтобы я срубил все эти деревья?

МАКИАВЕЛЛИ. Разве я сказал что-то другое?

СИРО. Там очень много деревьев, господин.

МАКИАВЕЛЛИ. Значит, будет много дров. Часть сожжем зимой. А остальное продадим.

СИРО. Да, господин, конечно, как скажете, только...

МАКИАВЕЛЛИ. Что? Что, только? Ты не способен срубить несколько деревьев?

СИРО. Способен, господин, просто...

МАКИАВЕЛЛИ. Что? Что теперь?

СИРО. И как мне рубить эти деревья?

МАКИАВЕЛЛИ. Топором, ты знаешь, что такое топор,

правда?

СИРО. Я знаю, но у меня его нет.

МАКИАВЕЛЛИ. Так возьми в хлеву.

СИРО. В хлеву?

МАКИАВЕЛЛИ. Да. Топор в хлеву. Дорогу ты найдешь,

правда?

СИРО. Да. Я бывал в хлеву. Мне не нравится туда заходить, но я там бывал. Я хочу сказать, животные. И от них запах.

МАКИАВЕЛЛИ. Разумеется, запах. Это хлев. Да ты и сам пахнешь не так, чтобы очень.

СИРО. Извините, господин. С той поры, как мы переехали в деревню, я сбит с толку. Самому себе напоминаю вытасченную из воды рыбу.

МАКИАВЕЛЛИ. Не ты один.

СИРО. Не можем мы вернуться во Флоренцию, господин? Так куда как приятнее.

МАКИАВЕЛЛИ. Не можем. Пока. Когда я в последний раз появился во Флоренции, меня бросили в темницу и едва не убили. Мы не можем вернуться, пока меня не позовут.

СИРО. Но вы самый умный во Флоренции. Все так говорят. Даже люди, которые хотели вас убить.

МАКИАВЕЛЛИ. Если я такой умный, то должен найти способ вернуть нас в город, но пока нам надо есть, нам нужно тепло, поэтому я хочу, чтобы ты пошел в хлев, взял топор и срубил эти деревья.

СИРО. В одиночку, господин?

МАКИАВЕЛЛИ. Если в одиночку не справишься, захвати с собой пару крестьян, чтобы помогли тебе. А что тут такого? Физический труд только пойдет тебе на пользу.

СИРО. Дело не в том, что я не хочу срубить для вас эти деревья, господин. Но эта роща...

МАКИАВЕЛЛИ. Да? И что в ней особенного?

СИРО. Я уверен, что кто-то говорил в харчевне, как-то вечером, что давным-давно тут рос священный лес, и эта конкретная роща – все, что от него осталось.

МАКИАВЕЛЛИ. Священный лес?

СИРО. Да, господин.

МАКИАВЕЛЛИ. И какое божество его охраняет?

СИРО. Не знаю, господин. Но очень древнее. Мясник говорит, что на эти деревья наложено заклятье. Не то, чтобы на сами деревья, но на любого, кто их срубит.

МАКИАВЕЛЛИ. Ты добрый христианин, Сиро?

СИРО. Разумеется, господин. То есть, в рамках разумного.

МАКИАВЕЛЛИ. Ты не язычник, не еретик, так?

СИРО. Нет, господин. Боже упаси, господин.

МАКИАВЕЛЛИ. То есть, ты не поклоняешься дьяволу или другой нечисти?

СИРО. Нет, господин. Никогда в жизни, никогда не поклонялся дьяволу. Клянусь ягодицами моей сестры. И, как я понимаю, вы видели ягодицы моей сестры. Впрочем, вы ви-

дели чуть ли не все ягодицы. Я про женщин.

МАКИАВЕЛЛИ. Я говорю не про ягодицы твоей сестры. Если ты добрый христианин, тогда не должны тебя волновать все эти байки о заклятье.

СИРО. Я-то в них не верю, господин. Но знаете, в мире есть много такого, чего мы полностью не понимаем, и я не хочу оскорблять чувства местных крестьян. Или деревья.

МАКИАВЕЛЛИ. Ты не хочешь оскорблять эти деревья?

СИРО. Да, господин.

МАКИАВЕЛЛИ. Что ж, допустим. Но знаешь, что-то мне очень хочется выпороть тебя? Как, по-твоему, желание избежать порки – достаточно веский повод забыть про чувства деревьев?

СИРО. Да, господин.

МАКИАВЕЛЛИ. Тогда пойди и найди тех, кто поможет тебе срубить эти деревья, все до последнего. Ты меня понял?

СИРО *(поворачивается, чтобы уйти)*. Да, господин.

МАКИАВЕЛЛИ. Но сначала накорми кур.

СИРО *(останавливается, поворачивается к Макиавелли)*. Прямо сейчас, господин?

МАКИАВЕЛЛИ. Да, прямо сейчас. Что с тобой? Не можешь даже накормить кур?

СИРО. По правде говоря, господин, кур я немного боюсь.

МАКИАВЕЛЛИ. Ты боишься кур?

СИРО. В мою защиту могу только сказать, что они – очень агрессивные куры. Я думаю, они пытаются меня убить.

МАКИАВЕЛЛИ. Куры пытаются тебя убить?

СИРО. Нисколько в этом не сомневаюсь, господин. Как только я вхожу в курятник, они сразу бегут ко мне.

МАКИАВЕЛЛИ. Разумеется, они бегут к тебе, идиот. Они голодные.

СИРО. Об этом и речь, господин. Я боюсь, что они меня съедят.

МАКИАВЕЛЛИ. Куры тебя съедят только в том случае, если я тебе задушу и перемолю в куриную еду. Я так и сделаю, если ты сейчас же не накормишь кур, а потом не найдешь людей, которые помогут тебе срубить те деревья.

СИРО. Просто жалко рубить такие красивые деревья. Учитывая, что мы скоро вернемся во Флоренцию.

МАКИАВЕЛЛИ. Едва ли мы сумеем вернуться туда до зимы. И будь уверен, здесь мне нравится не больше твоего.

СИРО. Но зимой здесь холодно, господин.

МАКИАВЕЛЛИ. И будет еще холоднее, если не удастся затопить камин. Так что бери топор и сруби эти чертовы деревья, пока твой толстый зад не удостоился нескольких крепких пинков. В чем вообще проблема?

СИРО. Вы действительно злы на эти деревья, господин.

МАКИАВЕЛЛИ. Не зол я на эти деревья. Я злюсь на тебя, ленивого, глупого и совершенно бесполезного. Злюсь, что придется еще одну зиму провести в этой забытой Богом дыре. Злюсь, что меня, верно прослужившего городу столько лет, бросили в тюрьму, как обыкновенного преступника,

растянули на дыбе, словно кусок теплого сыра, а потом отправили жить среди свиней, кур и людей, которые верят в волшебные роши и наложенные на них заклятия. Я злюсь, потому что мне не осталось ничего другого, кроме как кормить этих чертовых кур. Я злюсь, потому что у меня была власть, и я ее потерял. И теперь в моей власти только одно – срубить эти чертовы деревья. Так и будет. Ты понял?

СИРО. Да, господин. Я понял, господин. И возможно, мы сможем избежать наложенного заклятья, если я извинюсь перед деревьями, прежде чем начну их рубить.

МАКИАВЕЛЛИ. Извинишься перед деревьями? Ты хочешь извиниться перед деревьями?

СИРО. Мясник сказал, что таков здешний обычай. На случай, если у каждого дерева есть душа.

МАКИАВЕЛЛИ. И ты думаешь, что деревья поймут тебя, когда ты будешь перед ними извиняться?

СИРО. В той же степени, в какой я понимаю деревья, господин.

МАКИАВЕЛЛИ. Хорошо. Здравое смысла в этом ничуть не меньше, чем во всем остальном, что сейчас происходит со мной. Иди. Приступай.

СИРО. Да, господин.

МАКИАВЕЛЛИ. Но сначала накорми кур.

СИРО. Да, господин.

МАКИАВЕЛЛИ. Постой.

СИРО. Да, господин?

МАКИАВЕЛЛИ. Что с моими рубашками?

СИРО. Вашими рубашками?

МАКИАВЕЛЛИ. Ты забрал мои рубашки у прачки?

СИРО. Нет, господин. Они все еще у нее.

МАКИАВЕЛЛИ. Прошла не одна неделя. У меня осталась одна чистая рубашка. Что она с ними делает? Ест?

СИРО. Не знаю, господин. Но мы не хотим сердить ее. Мясник говорит, что она – ведьма.

МАКИАВЕЛЛИ. Ведьма? Ты отдал все мои рубашки ведьме?

СИРО. Другой прачки я здесь не нашел, господин. На этой неделе заходил к ней трижды. Всякий раз она говорит – приходи завтра. И, честно говоря, господин, не нравится мне, как она на меня смотрит. Пугает сильнее кур.

МАКИАВЕЛЛИ. Ты боишься старухи. Ты боишься хлеба. Ты боишься всего и вся, кроме меня.

СИРО. Нет, я боюсь и вас, господин. Если хотите, я сейчас же пойду к ней и...

МАКИАВЕЛЛИ. За рубашками я схожу сам. Ты кормишь кур и берешь топор. Ясно?

СИРО. Отлично, господин. Но будьте осторожны.

МАКИАВЕЛЛИ. Сиро, если ты сможешь управиться с курами-людоедами, то я как-нибудь разберусь со старухой-прачкой.

СИРО. Хорошо, господин. Но не смотрите ей в глаза. И не спускайтесь в ее подвал. Мясник говорит, что в ее подвале

живет дьявол. *(Сиро поворачивается, чтобы уйти).*

МАКИАВЕЛЛИ. Сиро?

СИРО. Да, господин?

МАКИАВЕЛЛИ. Хлев там.

СИРО. Да, господин. Извините, господин. Без уличных указателей так трудно найти дорогу. *(Уходит).*

МАКИАВЕЛЛИ. Бояться кур. Извиняться перед деревьями. Не удивительно, что в Италии все наперекосяк. Суеверия и глупость. А теперь еще ведьма украла мои рубашки. Иногда мне хочется вернуться в пыточную камеру. *(Поворачивается, чтобы уйти. Останавливается и смотрит на деревья).* Вы такие красивые. Я знаю, каково это, когда тебя валят и рубят на куски. *(Какие-то секунды стоит, погруженный в свои мысли, качает головой и уходит. Свет гаснет и ветер в кронах затихает под пение птиц).*

Картина 2

(Шаги Ведьмы, старой женичины, спускающейся по ступеням в подвал. Макиавелли следует за ней. Поначалу мы их не видим, потому что они скрыты от нас рубашками, развешенными на бельевой веревке от правой лестницы к центру. Она снимает рубашки сует себе под мышку, параллельно скатывает веревку в большой шар, при этом продолжая разговор с Макиавелли).

ВЕДЬМА. Я ждала тебя, господин. Мне дарована способность видеть будущее, время от времени, и я увидела в осколке синего стекла, который я храню специально для этой цели, что ко мне скоро заглянет высокий, худошавый мужчина.

МАКИАВЕЛЛИ. Я заглянул к тебе, потому что у меня закончились рубашки. Мой слуга начал приносить их тебе давно, и чистых у меня уже не осталось.

ВЕДЬМА *(продолжая снимать рубашки)*. Но пришел ты, а не твой слуга.

МАКИАВЕЛЛИ. Я пришел, потому что всякий раз, когда я посылал его к тебе, он возвращался с глупой улыбкой и еще более глупой историей, но без рубашек. Мне нужны мои рубашки.

ВЕДЬМА. Твои рубашки старые. Сводить с них пятна трудно. Разные пятна. Твои рубашки чем только не запачка-

ны. Но у меня есть рубашки, отличные рубашки, которые, думаю, тебя заинтересуют. Особенно тебе может понравиться одна рубашка.

МАКИАВЕЛЛИ. Вот, значит, в чем дело. Ты не отдавала мои рубашки, чтобы заманить меня сюда и продать новые.

ВЕДЬМА. Стираем мы в подвале. Заходи. Все хорошо.

МАКИАВЕЛЛИ (*торопливо сбрасывает что-то с головы*). Что за черт?

ВЕДЬМА. О пауках не волнуйся. Их укусы убивают крайне редко.

МАКИАВЕЛЛИ. Твой подвал напоминает ворота в ад.

ВЕДЬМА. Иногда, когда мы зажигает очаг, впечатление полное. И нам приходится поддерживать огонь чуть ли не все время, чтобы изгнать сырость.

МАКИАВЕЛЛИ. А зачем мы сматываешь бельевую веревку? Уходишь из прачек?

ВЕДЬМА. Одолжу нашему стражу закона. Им надо кого-то повесить. Я ее заговорила, так что она не оборвется.

МАКИАВЕЛЛИ. Много у тебя тут рубашек.

ВЕДЬМА. Рано или поздно я постираю рубашки всех. Особенно таких людей, как ты.

МАКИАВЕЛЛИ. Что значит, таких, как я?

ВЕДЬМА. Которые непроизвольно пачкают все, к чему прикасаются. Мы пришли. (*Ведьма снимает последнюю рубашку с веревки, открывая молодую девушку, Клицию, одетую в одну лишь мужскую рубашку, которая стоит в цен-*

тральной арке). Вот она. Моя самая прекрасная рубашка. Ее никогда не надевал мужчина. Давай. Подойди ближе. Можешь посмотреть, какая она.

МАКИАВЕЛЛИ. Ты хочешь продать мне рубашку, которая на этой девушке?

ВЕДЬМА. Я оставляю тебя одного. Примерь, если хочешь. Заплатишь после того как. *(Ведьма поднимается по лестнице, унося огромный ворох рубашек и смотанную бельевую веревку)*.

МАКИАВЕЛЛИ. Постой. А как же другие мои рубашки?

ВЕДЬМА. Не беспокойся, господин. Я их постираю в ближайшие недели. Как только мне вернут бельевую веревку, забрав ее у палача. *(Ведьма уходит. Макиавелли смотрит на Клицию, которая почесывает ногу голыми пальцами другой ноги)*.

МАКИАВЕЛЛИ. Тебе не холодно, в одной-то рубашке?

КЛИЦИЯ. Чем ближе ты к аду, тем теплее. Тебе нравится рубашка?

МАКИАВЕЛЛИ. Да, красивая.

КЛИЦИЯ. Хочешь примерить? Если да, так я ее сниму.

МАКИАВЕЛЛИ. Сколько тебе лет?

КЛИЦИЯ. Достаточно много, чтобы снять рубашку.

МАКИАВЕЛЛИ. Старуха заставляет тебя это делать?

КЛИЦИЯ. Делать что? Какая разница? Или тебе не нравится рубашка?

МАКИАВЕЛЛИ. Дело не в том, что мне не нравится ру-

башка.

КЛИЦИЯ. Так я ее снимаю?

МАКИАВЕЛЛИ. У тебя есть дом, дитя?

КЛИЦИЯ. Это мой дом.

МАКИАВЕЛЛИ. Она заставляет тебя демонстрировать рубашки мужчинам?

КЛИЦИЯ. Я делаю то, что хочу.

МАКИАВЕЛЛИ. Эта жуткая старуха не имеет права про-
давать тебя, как рубашку.

КЛИЦИЯ. Эта жуткая старуха – моя бабушка. И не суди
ее. Она очень бедная и у нее не все дома.

МАКИАВЕЛЛИ. Не выглядишь ты ребенком, которого
вырастили в подвале, заполненном грязным бельем других
людей.

КЛИЦИЯ. Я не всегда здесь жила. Мои родители умерли,
когда я была маленькой девочкой, а поскольку все думали,
что моя бабушка сумасшедшая, или ведьма, или то и дру-
гое сразу, Кольфуччи взяли меня к себе. Первая жена была
очень хорошей, но она умерла. Потом Кольфуччи женился
на более молодой. Она меня невлюбила.

МАКИАВЕЛЛИ. И выгнала из дома?

КЛИЦИЯ. Никто меня не выгонял. Я ушла сама.

МАКИАВЕЛЛИ. Ты ушла из дома богатого человека,
чтобы жить в этой развалюхе с безумной бабушкой?

КЛИЦИЯ. Кольфуччи очень хорошо относился ко мне,
пока я была ребенком, но едва мое тело начало обретать жен-

ские формы, принялся гоняться за мной по дому. Я выросла с его сыном, Каллимако. Застав нас целующимися, он отправил сына в университет. Следующим вечером загнал в угол в хлеву. Мне удалось вырваться, ударив его вилами в пах, и убежать к бабушке. Так хочешь ты примерить рубашку или нет?

МАКИАВЕЛЛИ. Ты наверняка скучаешь по той жизни, которую вела в доме Кольфуччи.

КЛИЦИЯ. Я вполне могу обойтись без похотливого старого козла, который не давал мне прохода. Но мне недостает кур.

МАКИАВЕЛЛИ. Кур? Тебе недостает кур?

КЛИЦИЯ. С детства я присматривала за курами. Очень их люблю.

МАКИАВЕЛЛИ. Так ты что-то знаешь о курах?

КЛИЦИЯ. Мы с курами очень близки.

МАКИАВЕЛЛИ. Я надеюсь, ты не такая глупая, как куры.

КЛИЦИЯ. Куры не глупые. Это чудовищная ложь. Куры очень умные. Просто относиться к ним надо с пониманием и уважением. Как к людям.

МАКИАВЕЛЛИ. Слушай, у меня к тебе предложение.

КЛИЦИЯ. То есть ты все-таки хочешь, чтобы я сняла рубашку?

МАКИАВЕЛЛИ. Не хотела бы ты переселиться в мой дом и приглядывать за моими курами?

КЛИЦИЯ. Во Флоренции это так называется?

МАКИАВЕЛЛИ. Мой слуга боится кур. Мне нужен человек, который будет за ними приглядывать. Платить много я не смогу, но у тебя будет маленький домик за виллой, и я обещаю не загонять тебя в угол в хлеву.

КЛИЦИЯ. То есть тебя это уже не интересует?

МАКИАВЕЛЛИ. Меня это очень даже интересует, и ты красивая девушка, но сейчас я хочу от тебя только одного: чтобы ты приглядывала за курами.

КЛИЦИЯ. Так ты не хочешь рубашку?

МАКИАВЕЛЛИ. Давай я куплю тебе эту рубашку. Я уверен, на тебе она смотрится гораздо лучше, чем на мне.

КЛИЦИЯ. Что ж, это хорошая рубашка, и я люблю кур. *(Она смотрит на него и улыбается. Медленно гаснет свет).*

Картина 3

(Клиция исчезла в центральной арке, Макиавелли прошел к столу, сел, пытается писать. В кабинет влетает Мариетта, его жена, смотрит на Макиавелли. Тот не замечает ее присутствия).

МАРИЕТТА. Тебе надо что-нибудь еще?

МАКИАВЕЛЛИ *(погруженный в работу)*. Нет.

МАРИЕТТА. Тебе принести что-нибудь попить? Что-нибудь из еды?

МАКИАВЕЛЛИ. Нет. Ничего не нужно.

МАРИЕТТА. Ты работал полночи при свече, портил глаза. Ты работаешь уже полдня. Это ненормально.

МАКИАВЕЛЛИ. Все у меня хорошо.

МАРИЕТТА. Я ничего не могу для тебя сделать?

МАКИАВЕЛЛИ. На данный момент – нет.

МАРИЕТТА. Над чем ты работаешь?

МАКИАВЕЛЛИ. Это трудно объяснить.

МАРИЕТТА. Я не такая глупая, пойму.

МАКИАВЕЛЛИ. Я не говорил, что ты глупая.

МАРИЕТТА. Ты относишься ко мне так, будто я глупая.

МАКИАВЕЛЛИ. Я отношусь к тебе, как к своей жене.

МАРИЕТТА. Ты думаешь, моя работа – рожать детей и держать рот на замке.

МАКИАВЕЛЛИ. Твоя работа – быть моей женой.

МАРИЕТТА. Я вышла из более достойной семьи, чем твоя. У моей семьи когда-то были деньги. Я тебе не какая-то дочь свинопаса.

МАКИАВЕЛЛИ. Я никогда не говорил, что ты – дочь свинопаса, а будь ты таковой, не относился бы к тебе хуже. Быть дочерью свинопаса не зазорно.

МАРИЕТТА. Ты относишься ко мне, будто я – невидимка. Ты уезжал на долгие месяцы.

МАКИАВЕЛЛИ. Больше – нет. Теперь я все время здесь. И мы ладили лучше, когда я надолго уезжал.

МАРИЕТТА. Я думала, все будет по-другому, как только мы уедем в деревню. Я думала, может, ты переменишься. Так нет. Ты тут все время, но на самом деле не больше, чем прежде. Мыслями ты где-то еще. Подруг у меня здесь нет. И мне никто не помогает. Толку от Сиро никакого.

МАКИАВЕЛЛИ. Я нанял девушку, чтобы она приглядывала за курами.

МАРИЕТТА. Да, я видела девушку. И уверена, что с курами у нее все получается замечательно.

МАКИАВЕЛЛИ. Так и есть.

МАРИЕТТА. Она – проститутка.

МАКИАВЕЛЛИ. Она – не проститутка. Бедная сирота, которая раньше жила у Кольфуччи.

МАРИЕТТА. Она спала и с отцом, и с сыном. Вот что я слышала.

МАКИАВЕЛЛИ. Зачем ты слушаешь все эти гнусные сплетни? Она – милая девушка.

МАРИЕТТА. Одна из длинного списка милых женщин, с которыми ты прелюбодействовал в эти годы.

МАКИАВЕЛЛИ. Я пытаюсь сосредоточиться.

МАРИЕТТА. А я пытаюсь не сойти с ума.

МАКИАВЕЛЛИ. Что ж, получается у тебя не очень.

МАРИЕТТА. Ты кого хочешь сведешь с ума. Тебя ни разу не было дома, когда я рожала детей. Я жила в постоянной тревоге за тебя. И все, что я говорю или делаю, похоже, действует тебе на нервы.

МАКИАВЕЛЛИ. Только потому, что ты не можешь закрыть рот, когда я работаю.

МАРИЕТТА. Ты мне даже не пишешь.

МАКИАВЕЛЛИ. А чего писать? Я же здесь.

МАРИЕТТА. Ты швыряешься деньгами, словно это мусор. Я отдала тебе тело и душу и осталась ни с чем. У меня ничего нет.

МАКИАВЕЛЛИ. У тебя есть четверо детей, крыша над головой и в достатке еды. Что еще тебе нужно?

МАРИЕТТА. Мне нужен муж, с которым я могу поговорить.

МАКИАВЕЛЛИ. Так ты и говоришь со мной.

МАРИЕТТА. Это не разговор. Ты просто хочешь, чтобы я заткнулась и оставила тебя в покое. Ты всегда думаешь. Всегда планируешь. Я для тебя не существую. Ладно, мне

уже без разницы. Делай, что тебе вздумается. Только держи эту шлюху подальше от моих детей.

МАКИАВЕЛЛИ. Какое отношение она имеет к детям?

МАРИЕТТА. Она с ними играет.

МАКИАВЕЛЛИ. Девушка, которая присматривает за курицами, играет с детьми, и тебя это тревожит.

МАРИЕТТА. Меня тревожит, что с моими детьми играет шлюха.

МАКИАВЕЛЛИ. Она не шлюха и не моя любовница. Я пальцем к ней не прикасался.

МАРИЕТТА. Не оскорбляй меня ложью. Нет такой силы, которая удержала бы твои руки от этой аппетитной малышки. Я тебя знаю.

МАКИАВЕЛЛИ. Ты меня не знаешь.

МАРИЕТТА. Я тебя знаю, это ты меня не знаешь. Если эта маленькая проститутка по-прежнему будет подходить к моим детям, однажды утром она проснется с мясницким тесаком в шее.

МАКИАВЕЛЛИ. Она не собирается причинить вред детям. Она никому не собирается причинить вред. Она приглядывает за курами. Теперь ты можешь уйти и оставить меня в покое?

МАРИЕТТА. Ты хочешь, чтобы я умерла, так?

МАКИАВЕЛЛИ. Я хочу, чтобы один из нас умер. Но не ты (*встает и уходит*).

МАРИЕТТА (*кричит вслед*). Ты чудовище. Бесчувствен-

ный, злой человек. Я могла бы выйти за одного из Медичи. А теперь посмотрите на меня. Я – императрица Пустоты, а мой муж – князь Тьмы. (*Мариетта поворачивается и уходит*).

Картина 4

(Клиция и Сиро заходят в дом Макиавелли).

СИРО. Что ты творишь с этими курами! Это удивительно. С тобой они ведут себя иначе. Они тихие, спокойные, вежливые. За мной гоняются, словно одержимые дьяволом, и хотят меня съесть.

КЛИЦИЯ. Куры не собираются тебя есть.

СИРО. Может, куры любят тебя, потому что ты такая красавица.

КЛИЦИЯ. Отвали, а не то позову кур, чтобы защитили мою честь.

СИРО. Да ладно, ладно. Только мне так одиноко после отъезда из города.

КЛИЦИЯ. Поэтому твой хозяин такой сердитый? Ему недостает города?

СИРО. Нет, он всегда сердитый. Не любит он людей. Дуться может, но бьет меня крайне редко. Так что хозяин он неплохой, когда привыкнешь к его заскокам.

КЛИЦИЯ. Но он кажется таким холодным.

СИРО. Он не холодный. Конечно, может быть таким. Но с женщинами он распаляется. Он любит женщин. Как я понимаю, уже облапал тебя с головы до ног. Только не обижайся.

КЛИЦИЯ. Он ни разу не прикоснулся ко мне.

СИРО. Вот это необычно. Ты же такая красотка. Я-то думал, он сразу набросился на тебя, как волк – на барашка. Конечно, он в депрессии после отъезда из города. Может, чувствует себя слишком несчастным, чтобы гоняться за женщинами. Со мной все с точностью до наоборот. Депрессия меня только возбуждает. А деревня кого-то угодно вгонит в депрессию. Я и то превратился в собственную тень. А какого ему! Он действительно был большой шишкой. И падать ему пришлось с куда большей высоты. Ты не поверишь, но в городе и я много чего мог. Знал все улицы. Всех людей. Знал, как кого найти. Как что-то сделать. Был совершенно другим человеком. Уверенным в себе. Даже наглым. Здесь я деревенский идиот. Никого не знаю, а те, кого знаю, не любят меня или пугают до усрачки. Я постоянно теряюсь. Везде коровы и куры. Это кошмар.

КЛИЦИЯ. Так в городе он впрямь был важным человеком?

СИРО. Он был секретарем Совета десяти Республики Флоренция. Его посылали в Рим, Париж, по всей Европе, Он занимался делами государственной важности. Вел переговоры с главами государств, на равных общался с Борджа. Потом в город вернулись Медичи, его бросили в тюрьму и пытали, после чего отправили в ссылку. Но он умен, как сам дьявол. И это только вопрос времени, когда ему удастся убедить Медичи, что без него управлять городом у них не получится. И тогда мы снова будем в шоколаде.

КЛИЦИЯ (*выглядывает в окно*). Господи, нет. Это Кольфуччи. Он пришел сюда. Пронюхал, где я, и пришел, чтобы увести к себе. Не позволяй ему забрать меня.

(*Стук в дверь*).

СИРО. Не смотри на меня. Это не мое дело. Я не имею к этому никакого отношения.

(*Снова стук в дверь*).

МАКИАВЕЛЛИ (*за сценой*). Сиро! Открой эту чертову дверь.

СИРО. Да, господин.

(*Сиро уходит. Стук продолжается. Макиавелли входит*).

МАКИАВЕЛЛИ. Что это с ним? Он слишком глуп, чтобы открыть дверь?

КЛИЦИЯ. Пожалуйста, господин, заставьте его уйти.

МАКИАВЕЛЛИ. Я пытался избавиться от него. Он постоянно возвращается, как дворовый пес.

КЛИЦИЯ. Нет. Я не про Сиро. Про Кольфуччи. Он пришел. Я видела его в окно. Он хочет забрать меня к себе. Я знаю, что хочет. Пожалуйста, не позволяйте ему забрать меня. Я не хочу возвращаться к нему.

МАКИАВЕЛЛИ. Не в моих интересах сознательно портить отношения с соседями. Если у Кольфуччи есть законные права на тебя, ты уйдешь с ним.

КЛИЦИЯ. Нет у него на меня никаких прав.

МАКИАВЕЛЛИ. Возможно, у него на этот счет иное мнение.

СИРО (*возвращается*). Это сеньор Кольфуччи, ваш сосед.

КЛИЦИЯ (*прячется за Макиавелли*). Скажи ему, пусть уйдет.

МАКИАВЕЛЛИ. Не можешь ты приказывать слугам. Это мое право. (*Обращаясь к Сиро*). Скажи ему, пусть уходит.

КОЛЬФУЧЧИ (*появляясь вслед за Сиро*). Синьор Макиавелли, для меня такая радость наконец-то увидеться с вами.

МАКИАВЕЛЛИ. Господи.

КОЛЬФУЧЧИ. Я – ваш сосед, Кольфуччи. Как мне известно, вы приютили девушку, сбежавшую из моего дома, и я пришел, чтобы избавить вас от ее присутствия. Мой ребенок, Клиция, у вас, правильно?

КЛИЦИЯ (*высовываясь из-за Макиавелли*). Я не твой ребенок.

КОЛЬФУЧЧИ. Как раз мой. Клиция, мы идем домой.

КЛИЦИЯ. Никуда я не пойду с таким козлом, как ты.

МАКИАВЕЛЛИ. Если ты хочешь оставаться в моем доме, изволь быть вежливой с моими гостями. Это понятно?

КЛИЦИЯ. Да, господин.

МАКИАВЕЛЛИ. Ты хочешь уйти с сеньором Кольфуччи?

КЛИЦИЯ. Я скорее умру.

КОЛЬФУЧЧИ. Это легко устроить, если ты не прекратишь дерзить. Она очень глупая, сеньор Макиавелли, но это мой крест.

КЛИЦИЯ. Ты мне никто, так что держи от меня подальше свои потные ручонки.

МАКИАВЕЛЛИ. Сеньор Кольфуччи, у меня складывается впечатление, что она не хочет идти с вами. Насколько я понимаю, вы ей не кровный родственник, и думаю, что нет у вас права увести ее с собой.

КОЛЬФУЧЧИ. Но я ее вырастил. Она ела в моем доме с самого детства. Кто компенсирует мне все деньги, которые я потратил на ее еду?

МАКИАВЕЛЛИ. Она работала по дому?

КОЛЬФУЧЧИ. Никогда. Постоянно пребывала в своих грезах.

КЛИЦИЯ. Я заботилась о твоих курах.

КОЛЬФУЧЧИ. Это правда. Она заботилась о курах. С животными она ладит. Отдаю ей должное. С людьми – не очень. За исключением моего сына. Соблазнила его, маленькая шлюха.

КЛИЦИЯ. Это ложь.

КОЛЬФУЧЧИ. Из-за нее я отослал его прочь. Мою кровь и плоть. Моего единственного сына.

КЛИЦИЯ. И едва он уехал, ты принялся гоняться за мной о хлеву.

КОЛЬФУЧЧИ. Сами видите, она не в своем уме. Это так грустно, сеньор, видеть такое юное существо, чья душа давно уже в лапах Дьявола.

КЛИЦИЯ. Ты и есть дьявол. И получил вилами в пах за

свои хлопоты, так?

КОЛЬКУЧЧИ. Не напоминай мне о моем пахе, потаскуха. Видите? Она признает, что напала на меня со смертоносным орудием. Две недели я писал в три стороны сразу, а шрамы до сих пор ноют в дождливую погоду.

МАКИАВЕЛЛИ. Раз это неблагодарное существо заставило вас писать в три стороны сразу и желает остаться здесь, я возьму на себя этот крест, в знак доброй воли по отношению к соседу. И вам больше не придется тратить на ее еду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.